

Наездники

Автор:

Кир Булычев

Наездники

Кир Булычев

Тот день, когда началась эта страшная история, ничем особенным не выделялся в череде остальных дней, правда, шел противный колючий осенний дождь... и откуда же Верке было знать, что странная молодая женщина с детенышем, вежливо предложившая девочке зонтик, вовсе не человек, а...

Вот кем оказались новые Веркины соседи и какие события разыгрались в подмосковном дачном поселке, вы узнаете, прочитав фантастическую повесть Кира Булычева.

Кир Булычев

Наездники

Глава 1

Верка проснулась. Ей хотелось спать.

Весь день ей будет хотеться спать.

Так складывается жизнь бедных женщин – они хотят спать всю жизнь, с раннего детства до кривой старости.

Дождь стучал коготками по крыше. Двадцать шестого сентября ему исполнилась неделя. За неделю он не стал ни сильнее, ни веселее, ни умнее, сыпал себе и сыпал, зато земля размокла – как теперь к зиме перекопаешь грядки? А баба сегодня будет требовать: «Перекопала? Перекопала?»

Когда человеку хочется спать, обязательно случается какая-нибудь гадость. В пять утра Верку разбудили коты, которые устроили потасовку на чердаке с воплями и шипением. Чего им драться на дворе? Там мокро. А вот чужой чердак – комфортабельный стадион. Конец сезона!

Ей показалось, что она угадала голос Котяры. А уж ему бы лучше не ввязываться, слабосильному!

В комнате было холодно, как на полярной зимовке. Верка спала под двумя одеялами и бабиным пальто. Хорошо соседям – у всех АГВ, центральное отопление и теплая ванная с туалетом.

Отец никогда не зарабатывал, да уже и не будет. Он, как говорила баба Элла, приспособлен только для шармана. То есть для красивой любви и веселой компании. Женщины на этот шарман попадаются.

А вот баба Элла? Она бедная или прикидывается?

Верка так и не догадалась. Но баба всю жизнь прожила в этой халупе: удобства во дворе, печка и умывальник в сенях, за водой надо ходить к колонке на углу. Просто чудо, что она согласилась на газовую плиту с баллонами. Баллоны доставлял дальний сосед Игнатьев, у него «Ока», ему не трудно.

Надо откинуть одеяло, не околеть от холода, добежать до кухни, включить плиту, а потом бежать на улицу – в односкатную будку-сортир. Наверное, это последняя такая будка в поселке. Потом чистить зубы, умываться ледяной водой, а если вода за ночь покрылась пленкой льда, нечего удивляться – такие в сентябре пошли циклоны.

В бабиных валенках и мохнатом халате Верка пробежала в уборную. Коза Катька услышала, как она бежит, и начала блеять, требовать, чтобы ее доили. Всего-то молока пол-литровая кружка, но не доить нельзя, а то молоко пропадет. А баба

верит, что козье молоко – единственное настоящее лекарство. Лежит в больнице, жрет заграничные лекарства, подвергается уколам и притом делает вид, что помогает ей только козье молоко. Ну и лежала бы дома... Нет, лежит за государственный счет и ждет, когда, извините за выражение, любимая внучка навестит ее с гостинцами.

Верка немного попрыгала, поприседала за домом, чтобы согреться. Потом почистила зубы. Вода в раковинке была такая холодная, словно ее специально привезли из космоса.

Но и дождик был ненамного теплее, он состоял из частой завесы иголочек. Они вонзались в волосы, лезли за шиворот, царапали лицо.

Верка старалась не наступать на грязные дорожки, но валенки стали тяжелыми. И хоть были подшиты кожей, все равно промокли.

Верка вернулась в дом. После улицы дома было тепло, можно было существовать. Верка поставила чайник и стала собираться на электричку. Если опоздать на восемь сорок две, то придется полчаса ждать на платформе. Она собрала сумку для бабы. Еще с вечера Верка купила ей печенье и помидоров, отыскала книжку «Аэлита», которую баба Элла велела привезти, постиранные штаны и чистую ночную рубашку.

Пока чайник закипал, Верка побежала в сарай, подоила Катьку. Катька капризничала, требовала какой-то особенной еды. Верка дала ей полбатона. Котьяра, бандит без правого уха, лежал в углу сарая на соломе с курами. Те его за зверя не считали. Кот делал вид, что спит и ни с кем ночью не дрался.

Подоив Катьку, Верка насыпала зерна курам и понесла банку с молоком в дом.

Собравшись, Верка вышла под дождь, заперла дверь – поселок почти пустой, в нем шурует ворье, – спустилась с крыльца и, как всегда, остановилась у большой, ей по пояс, металлической бочки, что стояла под водостоком.

Нужная бочка для дождевой воды. Если случается засуха, из нее черпают воду, чтобы поливать огород.

Верка нагнулась над бочкой, но вода ничего не отражала, потому что ее оспинками избили капельки дождя.

А в хорошую погоду Верка видела в бочке мамино лицо. Смутно, неясно, но ни с кем не спутаешь. Когда в первый раз увидела, побежала к бабе, а баба Элла даже смотреть не пошла. Сказала: «Если кажется, то перекрестись». Хотя баба была неверующая и как-то рассказывала, что с теперешним митрополитом в одной комсомольской ячейке состояла. Словно это давало ей право ни во что не верить.

Может быть, Верке это казалось. Но она была уверена в том, что вода в бочке никогда не отражала небо, а за головой мамы была темная стена.

Кроме бабы, Верка никому о маме не говорила. Отец только бы огорчился и заподозрил, что Верка его упрекает. Он вечно чувствовал себя виноватым. Как-то Верка подслушала, как он говорил Евгению Семеновичу: «Я не хотел жить! Я готов был умереть. Если бы не Светлана, которая меня выходила, я бы покинул этот мир!»

Когда отец выпивал, он начинал говорить красиво.

Светлане Верка ничего не скажет, даже если ее будут пытаться, как Зою Космодемьянскую.

А кто остается? Алена Щелкова из класса?

Людям пожившим, взрослым, часто кажется, что дети не бывают одинокими, что они и не подозревают о смерти. А у многих детей наступает такая тоска, что они рады бы умереть. Чаще всего им хочется прыгнуть с десятого этажа, если, конечно, не бояться высоты.

Верка высоты боялась, но не так сильно, как одноухий Котяра, что вообще-то для кота довольно странно.

Верка раскрыла зонтик.

Она так стеснялась бабиного черного зонтика, что никогда не раскрывала его даже на платформе, не говоря уж о Пушкине, куда она ездила в больницу. Это древнее сооружение без двух спиц, с дырой, в которую, видно, врезался Тунгусский метеорит, выпускать из дома стыдно. Но другого зонтика нет, а баба, конечно же, не даст денег на новый, она и этим вполне довольна.

Котяра хотел было проводить Верку до калитки, но передумал и остался на крыльце. Коты не любят воду.

Пахло флоксами.

Верка пошла к станции по середине улицы, там было укатано и сверху не нависали мокрые ветки.

Верка шла и думала, в каких домах еще остались люди, а из каких уехали. Раньше в поселке к концу сентября уже почти никого не оставалось, кроме бабы Эллы и еще двоих или троих постоянных, круглогодичных людей. Правда, все они жили ближе к станции и работали или на железной дороге, или в магазине. А в последние годы в поселке на зиму стало оставаться куда больше народу. Некоторые сдавали московские квартиры и вполне прилично жили на эти деньги на свежем воздухе. Другие продали участки, и на них богатые буратины построили себе коттеджи. В поселке уже появилось несколько таких коттеджей. Раньше Верка думала, что коттедж – это что-то маленькое, почти фанерное, а оказалось, что это особняк из красного кирпича, задача которого занять своим толстым телом весь участок, чтобы ни клочка зелени не осталось, и разбить зимний сад на веранде третьего этажа. Эти буратины часто приезжали подышать свежим воздухом. Они включали кондиционеры и залезали в подвал, в сауну – покурить и сыграть в картишки.

Вот старый бревенчатый дом. Здесь раньше жила Ирина Васильевна. Она померла, а дети перевезли сюда мебель и собаку, которая стала беспризорной.

Привет, собачара!

В глубине кривой дом Папани. Он алкаш.

А следующий дом – крепость из красного кирпича, даже окна начинаются только на втором этаже, и стекло за решетками не видно. Смешно. Хорошо еще, что

забор не такой высокий и ворота приоткрыты.

Кто-то в этот коттедж приехал. У крыльца кучи сора, веток и листьев – тот, кто приехал, первым делом подмел дорожки. Надо будет спросить у Папани, кто его новые соседи.

Засмотревшись, Верка не заметила, как ступила в лужу. Кроссовки у нее почти новые, весной Светлана купила, но если въехать по щиколотку, то промокают. Верка выскочила из лужи и, конечно же, поехала на задку по глинистому откосу дороги и остановиться не могла, потому что тогда пришлось бы выронить сумку с бабинными гостинцами и банку с Катькиным молоком. А это была бы катастрофа.

Чтобы катастрофы не случилось, Верка бухнулась в кювет, как в реку.

Было так стыдно, злобно и обидно, что она даже не стала сразу подниматься и почему-то подумала: «Главное, чтобы ни один дурак не увидел, как я сюда въехала».

Ей захотелось ругнуться хотя бы про себя по-матерному, но когда-то мама сказала: «Каждый человек, если он не дурак, может выразить любую мысль на русском языке без помощи неприличных и глупых слов». Верка ей поверила. Она всегда верила маме. Когда ей попадалась какая-нибудь книжка, где герои начинали круто колотиться с прикидами и приколами, падать на «ж» и ругаться на «б», она мысленно заменяла эти слова русскими, и все получалось не хуже.

Как-то недавно Верка ехала в электричке, и рядом с ней сидели два мужика. Мужики были немолодые и страшно матерились. Как будто воду пили. Верка не за себя рассердилась. Рядом сидела женщина с грудным ребенком, и Верка подумала: ведь эти слова у малыша на подкорке отпечатываются, он уже от них никогда не избавится.

А так как Верка на вид хлипкая, но не трусливая, она сказала этим мужикам:

– У вас, наверное, свои дети есть или даже внуки. Вы их тоже такой грязью кормите?

Мужики не сразу поняли, а когда Верка объяснила, рассердились, потому что им было неприятно, что мамаша с грудным ребенком кивала, одобряла Верку и готова была ее поддержать. И еще кто-то негромко сказал, что девочка молодец. Тогда мужики принялись гудеть на Верку и даже грозить ей. А один сказал:

- Ты, наверное, не русская, может, даже еврейка, если русского языка не понимаешь.

А Верка спокойно ответила:

- Это не русский язык. Это вонючий язык. От вас воняет.

И сказала она это громко. Мужики могли бы ее побить, потому что они сильнее, но в вагоне было слишком много народу. Они сделали вид, что пошли курить, и не вернулись. А мамаша сказала:

- Ты не права, девочка, нельзя так рисковать. Они могли тебя избить, а у меня маленький ребенок.

Она рассердилась на Верку за опасность.

И все равно это была победа.

А жизнь складывается из побед и поражений. Это на тринадцатом году жизни Верка уже выучила. Потому что у нее было куда больше поражений, чем побед. Порой одни поражения.

Как сейчас.

Верка поднялась, скользя, выбралась на дорогу, поставила сумку на траву, где повыше, и принялась стирать грязь с кроссовок листьями лопуха, что рос за кустом. Безнадега. И почему кроссовки не делают бурыми? Кому нужны эти белые паруса?

Рядом кто-то засмеялся.

Верка резко обернулась и опять чуть не упала, но успела схватиться за сухой сук над головой.

Шагах в двадцати от нее стоял ребенок. Верка скатилась в канаву с таким шумом, что сразу его не услышала.

Она подумала «ребенок», потому что не знала, мальчик это или девочка. Джинсики, курточка, шапочка, кудряшки – ну кто поймет? Лет не больше пяти-шести. Лучше даже сказать не «ребенок», а «детеныш».

Детеныш смеялся странным женским голоском. Но Верка была уверена, что смех у него злой. Не смех, а насмешка, издевка.

Верка сообразила, что сумку с гостинцами она сохранила, а зонта в руке нет.

Зонтик лежал в канаве. На зонт он похож не был – она же на него упала, переломала целые спицы. Хорошо еще, не напоролась. Остатки зонта ушли в воду, и он уже казался не целой вещью, а несколькими утопленными кузнечиками или древним самолетом, грохнувшимся с километровой высоты.

Верка не стала гнать ребенка и пошла дальше к станции. Все равно кроссовки не отчистить, пока не высохнут.

Ребенок побежал впереди, подпрыгивая, словно в самодеятельности. И не боялся упасть, и ничего к нему не приставало, даже казалось, что капли дождя его не касаются. Волосики, совсем сухие, курчавились и двигались над головкой, как живые.

Коленка болела – самое разумное сейчас было бы вернуться домой. «Поеду к бабе после обеда, а пока постираюсь, посушусь...»

Верка повернула обратно. Когда она поравнялась с коттеджем, ребенок забежал в открытые железные ворота и затанцевал, подпрыгивая, на дорожке из кирпичиков. Он пробежал мимо детской коляски, заглянул в нее, пискнул непонятно и остановился у входа.

На крыльце под большим полукруглым, как козырек кавказской кепки, навесом стояла женщина – обычная и приятная на вид. Как с открытки. Увидишь снова, не узнаешь.

– Мама, мама! – закричал ребеночек, подбегая к женщине.

Верка невольно остановилась.

Женщина сделала шаг вперед, выходя на свет, и вынула руку из-за спины. В руке был зонтик.

Женщина раскрыла его, и Верка решила, что она хочет выйти на улицу по своим делам. Но женщина громко сказала:

– Возьми зонтик, Вера, промокнешь совсем. Ужасная погода, не так ли?

Она говорила мелодичным голосом, как дикторша из телевизора, и притом слишком правильно. Тоже как дикторша.

Она знала, как зовут Верку. Значит, интересовалась.

– Нет, спасибо, мне не мокро, – сказала Верка.

Ребеночек подбежал к женщине, та протянула ему раскрытый, в мелкий лиловый цветочек зонтик, и ребенок поспешил обратно к воротам, играя с зонтиком, словно тот тянул его вверх, к облакам.

– Не надо, – повторила Верка, но ребенок совсем по-взрослому кинул зонтик в нее, и зонтик взлетел, прежде чем упасть на землю. Неудивительно, что Верка его подхватила – нельзя же, чтобы такой красивый зонтик упал в лужу.

Ребеночек быстро побежал к дому, а женщина сказала:

– Когда не будет нужен, занесешь. А можешь вообще не заносить, у меня много зонтиков.

– У нас много зонтиков! – крикнул ребеночек и засмеялся. Он стоял на крыльце под козырьком рядом с женщиной. Они махали Верке, будто она уезжала на поезде.

Верка не могла вернуть им зонтик, но и положить его в грязь нельзя.

– Спасибо, – сказала она.

Ей не ответили. Женщина с ребенком уже скрылись в дверях. Они ушли не оборачиваясь.

Верка сообразила, что не запомнила лица женщины и даже не помнит, как она была одета.

Хлюпая мокрыми кроссовками, Верка пошла к станции. Она была недовольна.

Казалось бы, радуйся, есть еще добрые люди. Дали ей, промокнувшей, зонтик и ничего не попросили взамен.

Верка знала, что у нее плохой характер. Несносный характер, как говорил отец. А Светлана в сердцах называла ее змеей-шипучкой. Баба Элла почему-то пугала Верку тем, что она замуж не выйдет, – будто Верке больше думать не о чем!

Наверное, у нее мог быть хороший характер, как у добрых людей. Но ей нечему было радоваться. У добрых людей другая жизнь, хорошая, состоятельная... Им можно не огрызаться, им зонтики из чужих ворот выносят каждый день.

И дался ей этот зонтик! Она же не просила!

Самое лучшее – вернуться и швырнуть этот зонтик им в рожу.

Но возвращаться и кидать – себя позорить. Покажешься идиоткой. Верка не любила быть идиоткой и даже казаться ею. Она и сама не знала, умная она или нет. А может, идиотизм и есть ее нормальное состояние?

А откуда им известно, как ее зовут?

Она в жизни не видала этой женщины. Хоть и не очень ее разглядела, но была уверена, что раньше не видала.

Зонтик оказался хороший, легкий, крепкий. Ясно, что ни одна спица сегодня не сломается.

Улица Школьная кончилась, и Верка с облегчением вышла на Вокзальную, когда-то заасфальтированную.

На себя лучше и не смотреть.

«Ладно, в больнице вымою кроссовки и джинсы – там во дворе колонка есть...»

Странная женщина шагала перед Веркой.

Она была высокого роста, под два метра или около того, ноги фотомодельной длины, юбочка короткая, чтобы удобнее их разглядывать. На женщине была мокрая, прилипшая к худому телу шелковая блузка, а волосы нахимичены в воронье гнездо. Концы волос желтого цвета, а к корням почти черного. На ногах туфли на высоких каблуках, совсем не по погоде.

Когда Верка догнала женщину, она поняла, что та очень запущенная.

Женщина оказалась бомжихой, из тех вконец опустившихся женщин, которые спят на вокзальных скамейках или на чердаках, роются в помойках, но у которых всегда хватает денежек на выпивку. Они ищут таких же, часто ходят парами или стайками и редко подбираются – чаще помойничают.

Если длинноногая и была когда-то манекенщицей, то как сошла с подиума (дорожки, по которой они шагают) у помойки, так больше и не переодевалась и даже не штопала одежду. Ее колготки состояли из дырок с перемычками, юбка чудом держалась и расходилась при каждом шаге, блузка прилипла к коже, под ней не было белья.

Верка обогнала бомжиху, пробежав по краю асфальта. Даже под дождем она почувствовала тяжелый запах, можно сказать, вонь.

Потом не удержалась и оглянулась.

Она ожидала увидеть красную, распухшую рожу – у всех таких бомжих красные, распухшие рожи. А эта была смертельно бледной, даже голуболицей, как будто из нее высосали всю кровь. А глаза у нее были неживые. Они двигались, даже уставились на Верку, но потом взгляд равнодушно ушел в сторону.

И Верка сразу поняла, что длинноногая – не бомжиха, что она не пьет и не бродит от помойки к помойке. Она больна, может быть, даже сбежала из какой-то очень секретной психбольницы.

И тут же Верка сама себя оборвала. Нет на свете такой больницы, где больным выдают рваное тряпье и в таком виде отпускают на волю.

Женщина шла не спеша, но как-то по-военному, твердо ставя ногу.

Верка поспешила дальше.

Ей хотелось снова обернуться, но она не стала. Сдержалась.

По старому, выщербленному, в трещинах и ямах асфальту Верка пошла быстрее. Она почти бежала, потому что до электрички оставалось всего ничего. Она даже услышала, как электричка гуднула на предыдущей станции – там поезд не останавливался и поэтому гудел. Значит, через четыре минуты электричка будет уже здесь, а надо еще перебежать пути, влезть в торце на вторую платформу, добежать до кассы и купить билет. Конечно, билет можно и не покупать, но Верка уже две недели не покупала билетов и чутьем понимала, что сегодня будут контролеры. В Москве поставили турникеты, а на маленьких станциях не поставишь, поэтому контролеры все равно ходят.

Верка добежала до края платформы. Она ей была по грудь, а доску, чтобы подниматься на платформу, снова сломали и унесли. Верка поставила сумку наверх, положила рядом зонтик и подтянулась, но сорвалась. Хорошо еще, какой-то мужик на платформе увидел ее и протянул руку, помог подняться.

Бывают все же нормальные люди.

Верка вскарабкалась на платформу, вытерла ладони о джинсы.

Мужчина, который ей помог, был невысокого роста, скорее полный, чем худой, в маленьких, старомодных (или, наоборот, очень модных) очках. На нем был длинный плащ с подложенными плечами и синяя шляпа. Теперь мало кто носит шляпы. Но мужчине шляпа помогала обойтись без зонтика.

Мужчина перехватил Веркин взгляд и сказал тонким быстрым голосом:

– В шляпе тоже есть резон.

Верке некогда было разговаривать с очкариком, она сказала ему спасибо и побежала к кассе.

С предчувствиями лучше не спорить.

Только когда электричка отошла от перрона, Верка поняла, как зябко и противно было на улице. В вагоне началась райская жизнь, тем более что пассажиров почти не было и не нужно было стесняться своего вида.

Верка уселась у окна.

За три остановки не высохнешь, но все-таки передышка. А то ведь, если не будет автобуса, придется до больницы топать пёхом, а это и в хорошую погоду минут двадцать, проверено.

Глава 2

Больница была старая, еще дореволюционная. Она состояла из двух трехэтажных корпусов и низкого приземистого морга, за которым поднималась высокая кирпичная труба. На самом деле она к моргу отношения не имела – просто там стояла котельная. Но некоторые больные, а уж тем более посетители думали, что труба нужна для сжигания мертвецов. Поэтому она такая высокая.

Баба Элла лежала в большой палате на втором этаже.

Она еще почти не вставала, только если соседки помогали сходить в туалет.

Баба ждала Верку и заранее была недовольна ее опозданием, хотя Верка никуда не заходила, только купила калорийную булочку. Автобуса долго не было, вот и задержалась.

Верка поздоровалась со всеми. В палате лежали пять женщин, почти все старые, ревматички или с артритом. Сплошные стоны и безнадежность.

Баба Элла все сразу заметила, хоть Верка и почистилась в раздевалке.

- Свинья везде грязь найдет, - сообщила она сердито внучке. - В какой канаве ты искупалась?

- Дождь идет, - ответила Верка. - Ты по-большому ходила?

Потом она протерла бабу Элли влажным полотенцем, налила ей Катькиного молочка, но баба и здесь нашла к чему придраться.

- Чем ты ее кормишь?

- А что?

- Привкус у молока нездоровый. Ты ее пастись водишь?

- Вчера за домом на лугу привязывала.

- Не там привязывала.

Верка стала считать про себя. Не будешь же собачиться с бабкой прямо в палате.

- Когда выписывают, говорили? - спросила Верка.

- На тот свет меня выпишут, - сказала баба Элла, а тетка с соседней койки, Клавдия Семеновна, стала смеяться. Ее бабкина воркотня забавляла. - У них есть уколы, - сообщила баба. - Поднимают на ноги, как в сказке. Но только за наличные.

В палате трудно говорить, чтобы все не слышали. Толстая Марина от двери добавила:

- Я сама видела. В платной палате женщина лежит кавказской национальности, ей на той неделе курс назначили, она уже сегодня на завтрак в столовую с палочкой ходила, кем мне быть!

- А сколько стоит? - спросила Верка.

- Говорят, двадцать баксов за укол, - сказала Марина. - Мне Елена Борисовна сообщила.

- Это же надо! - запела Клавдия Семеновна. - Это же надо, какой грабеж!

- Я поговорю с доктором, - пообещала Верка.

Это были не пустые слова, только чтобы баба Элла отвязалась. Верка понимала, что, если бабушку не выпишут из больницы в ближайшие дни, она просто погибнет. Во-первых, Верка уже скоро месяц как прогуливает школу. Другой бы отнесся к этому весело и даже обрадовался бы, что не пристают, но Верка была устроена совсем иначе. У других папы-мамы, другим есть куда деваться и где искать защиты. Верка - животное голое и никому на свете не нужное. И если она сама о себе не побеспокоится, никто о ней беспокоиться не станет. Баба Элла старая и немощная, от нее пользы никакой. Конечно, если бы она померла и оставила дачу Верке в наследство, то можно было бы дом продать, отделиться от всех и снимать комнату в Москве. Только это пустые мечты, потому что баба Элла помирать не собирается, а если помрет, то дачу заберет себе непутевый папаша. Для своей Светочки.

Верка знала твердо - она окончит школу и, хоть кровь из носу, уедет поступать в английский университет. Ни больше ни меньше. Когда станет профессоршей или графиней, она придет обратно: погостить, себя показать и унижить всех, кто ее обижал. И, конечно, первым - отца. Потому что он у нее один оставался, а вот

Верка у него оказалась не одна и даже не главная.

Верка вошла в ординаторскую. Обход еще не начинался, и Елена Борисовна сидела за одним столом с Ванечкой, Иваном Сергеевичем – завотделением. Лена диктовала, а Ванечка записывал. Они Верку сразу заметили, хоть она стояла в дверях молча, чтобы не мешать.

– Дождик еще идет? – спросил усатый Ванечка, как будто Верка выходила на пять минут. Он был совсем молодым, только что из ординатуры, но оказался мужчиной, и притом русской национальности. Поэтому его сразу сделали заведующим отделением, хотя, конечно же, и Елена Борисовна, и Салима Махмудовна были куда опытнее. Но никто не обижался, потому что Ванечка не грубил и никого не обижал.

– Дождик еще идет, – ответила Верка. – А правда, что импортные уколы привезли?

– Ты, наверное, голодная? – спросила Елена Борисовна. Может, Елена и не очень красивая, хоть фигура у нее стройная, но она такая обаятельная, что даже самые злобные старухи на нее не вопят.

– Я не голодная! – отрезала Верка.

– Садись, – предложил Ванечка. – Мне мама с собой кулебяку дала, домашнего приготовления.

Тут заглянула сестра Татьяна, и Елена попросила ее принести чаю. Так что хоть Верке и не хотелось есть, тем более за чужой счет, пришлось отведать кулебяки. Конечно, Ванечкина мама сыночку готовила вкусно.

А Елена Борисовна объяснила Верке, что есть новая вакцина, немецкая. Она недавно прошла испытания. Результаты сказочные.

– А какой курс для бабы Эллы нужен?

– Десять инъекций, – ответил Ванечка. – В сумме двести долларов, и мы ничем не можем помочь.

– Это постыдно, – сказала Елена и покраснела, будто украла эти уколы у бабы Эллы.

Верка все понимала.

– Но уколы эти есть?

– Есть. Никуда они не денутся.

– И бабе Элле они помогут?

– Почти наверняка, – сказал Ванечка.

Он тоже был расстроен. Настоящие врачи расстраиваются, когда не могут помочь.

Верка доела кулебяку и пошла в палату. Но сначала остановилась за дверью подслушать, о чем доктора будут говорить между собой. Если после окончания разговора подслушать, что будут говорить о тебе или о деле те, кто остался в комнате, можно узнать много полезного и секретного.

– Как проявляется наследственность в третьем поколении! – сказал Ванечка. – Наша Вера – буквально двойник своей бабушки.

– Я не задумывалась, – ответила Лена.

– Представь себе Элле Юрьевну в двенадцать лет. Белобрысая, остроносая, худющая, косичка жиденькая, ресницы рыжие. Одно украшение – веснушки.

– У Эллы Юрьевны нет никаких веснушек, – сказала Елена Борисовна. – К тому же мы никогда не видели матери девочки.

– А где ее мать?

– Это трагическая история. Неужели вам еще не рассказали?

Пришлось покинуть место у двери – мимо брели ходячие больные, обязательно спросят: ты чего подслушиваешь, девочка?

Нам нужны двести баксов, рассуждала Верка по дороге в палату. У отца таких денег нет, а если были бы, подарил бы стиральную машину своей Светочке. Ах, заверещит мачеха, мне так не хватает короткого демисезонного пальто!

В палате Верка помогла бабе Элле сесть, подложила под спину подушку.

– Проверила? – спросила бабушка.

– Так точно, – сказала Верка. – Надо искать деньги. А то помру я на твоей даче.

– Ты эгоистка! – заявила баба Элла. – Ты думаешь только о своих удобствах. А то, что я загибаюсь в этой трущобе, тебя совершенно не волнует.

– А ты что, думаешь, я теперь всю жизнь буду твою козу доить?

– И будешь! Если у тебя есть хоть малая толика чувства долга!

– А что, я не бегаю к тебе каждый день? – взбесилась Верка. – Что, я не мокну, не мерзну, когда ты никому, кроме меня, не нужна?

– Тогда я покончу с собой, – пригрозила баба Элла. – И ты наконец вздохнешь свободно!

Тут уж вся палата и даже больные в коридоре услышали очередную стычку между Веркой и бабой Эллой. И надо сказать, что почти все, даже самые злобные бабки, сочувствовали Верке. Сестра Татьяна говорила так:

– Этой Верке не позавидуешь! Сущее наказание сидеть месяц на пустой, холодной даче, да еще каждый день мыть и подкармливать старую каргу. А девочка хоть и злая, но не испорченная. Ей же в школу надо. Что она, Золушка дореволюционная, что ли?

Но и Татьяна, и все сочувствующие, особенно доктора, понимали, что изменить ничего нельзя. Мать Верки погибла или пропала без вести пять лет назад, у отца

новая семья, к тому же он выпивает и мало зарабатывает – ситуация тупиковая. Если Верка не пожертвует собой ради бабки, то никто старухе не поможет.

Поэтому в больнице старались Верку подкормить, даже кое-какие вещи приносили для нее из дома, а Салима Махмудовна занималась с ней математикой. Верке разрешали из больницы звонить подруге в Москву, та говорила, что задали. Верка хотела учиться.

Но народ в больнице был небогатый, даже Ванечка.

Баба Элла не собиралась с собой кончать, это была психическая атака, но она не подействовала, потому что Верка отлично знала, что баба Элла с собой кончать не станет.

Назавтра баба Элла велела получить пенсию по доверенности и купить конфеток, недорогих, но шоколадных.

– Зубная паста кончается, не забудь другие шлепанцы, почти новые, в моей комнате под кроватью, а то стыдно перед персоналом... Ты чего не записываешь?

В первые дни Верка записывала, а потом поняла, что все равно не сумеет выполнить все бабины поручения.

– Я и так запомню.

– Врешь, – сказала баба Элла, – но я не в том состоянии, чтобы приучать тебя к дисциплине.

– Ну уж конечно.

Начался обход. Верка подождала, пока Елена Борисовна бабушку посмотрит, мало ли что.

Но ничего не понадобилось. Елена сказала, что прогресс есть, но пока медленный, – «возраст, ты же понимаешь, Верочка».

Ее Верочкой тысячу лет никто не называл. И Верка подумала – вот попроси Елена что-то для нее сделать, хоть с крыши прыгнуть, – пожалуйста!

На прощание Верка снова присела у бабиной постели и тихо спросила:

– Неужели у тебя никакого заглазника нет? Ну не может быть! Не такая ты.

– Зачем это тебе?

– Затем, что уколы надо делать.

– Вот лучше напиши заявление на имя министра здравоохранения, чтобы мне как ветерану труда это средство выделили бесплатно.

Лицо у бабы стало как у маршала Жукова под Берлином. Ну, Гитлер, погоди!

Верка плюнула и пошла на улицу.

Дождь перестал, но облака не разошлись. Он вот-вот мог вернуться.

До электрички оставалось полчаса. Верка заглянула на рынок, купила огурец и помидор – решила устроить себе салатный праздник. А вот мороженое покупать не стала, хоть и очень захотелось. Человеку достаточно одного праздника, а то разбалуется.

Середина дня, народу на платформе немного.

И тут Верка увидела того мужчину, который помог ей взобраться на платформу. Ну того самого, в плаще и шляпе.

Он нес тяжелую сумку с картошкой, а к пузу прижимал большой кочан капусты. Значит, он тоже припозднившийся дачник. Может быть, свою квартиру в Москве сдает?

Мужчина увидел Верку и принялся кивать ей, как будто они были хорошо знакомы.

Верка подошла к нему.

За стеклами очков глаза мужчины казались увеличенными и растерянными.

– Вы в больнице были? – спросил он и тут же продолжил: – А я решил, почему бы мне капуста не засолить? У меня даже есть специальный широкий нож, вы не знаете, как он называется? Впрочем, это неважно. Картошка мне тоже понадобится, я совершенно не представляю, сколько мне еще придется здесь куковать. Конечно, мне хотелось бы поскорее вернуться домой, но вы же понимаете – дело прежде всего, не так ли? Приходится идти на некоторые жертвы, как сказал покойный Базаров, сапоги всмятку...

Это была катастрофа. Он говорил без умолку и не давал Верке даже слова вставить. От такого надо бежать, но бежать Верке не хотелось, потому что он был ЗА НЕЕ. Большинство людей на свете тебя не замечают. Есть ты, нет тебя – они все равно сядут чай пить. Есть такие, кому хочется, чтобы тебя не было или чтобы тебе было больно. А таких, кто ЗА ТЕБЯ, совсем немного. Елена Борисовна, школьная подруга Алена, баба Элла – хочешь не хочешь. И теперь еще этот чудак.

– Вас, кажется, Верой зовут? – продолжал чудак. – Меня можешь звать Олегом. Несмотря на разницу в возрасте. У меня отвратительное для произнесения отчество – Владиславович. Представляешь? Я сам его выговорить не могу и не выношу, когда другие его выговорить стараются. Владиславович! Почти Владикавказович. Ты на Школьной в доме пять обитаешь, правильно? Я страшно любознательный. Я хочу знать все обо всех, тебя это удивляет? И бабушка у тебя в больнице...

Вдруг облака разошлись, словно занавес на сцене, и на них упали теплые солнечные лучи.

– Славно, – сказал Олег. – Ох, как славно! А как себя бабушка чувствует? Кстати, я давно хотел с тобой познакомиться, все-таки, хочешь не хочешь, отпрыск славного рода. Правда, наследственность не всегда проявляется так прямолинейно, как утверждал старина Мендель.

Лицо у Олега было гладкое, почти без морщин, но старое. Он Верке в дедушки годился. Но зубы хорошие, белые, и глаза очень яркие. Как будто он в них

накапал какое-то лекарство.

Подошла электричка.

«Странно, – думала Верка, – я его вообще раньше не видела. Он, вернее всего, недавно приехал, но уже знает про меня и бабу Эллу. А при чем тут отпрыск?»

Пока они садились – вагон был почти пустой, – Верка спросила:

– Вы давно приехали?

– Недавно. И что меня в тебе, Вера, удивляет – умение держать себя в руках. Любая обыкновенная девчонка сразу бы закудаhtала: а откуда вы меня знаете, а что вы про меня знаете? Какой еще такой отпрыск? А ты из всех вопросов выбрала самый неожиданный и, я скажу тебе, самый правильный. Потому что тебе важнее узнать все обо мне. Тогда и остальные тайны найдут объяснение. Молодец! Я тебе все расскажу, что ты узнать захочешь. А может, расскажу и то, о чем тебе знать не хочется. Каждый из нас живет в своем мирке, в собственном аквариуме. А когда нам говорят: «Выходи на сухое», мы сразу начинаем волноваться: как же я без жабр обойдусь, а чем я буду снаружи дышать? Ты меня понимаешь? И что с тобой, Вера, хорошо, так это то, что тебе, надеюсь, ничего объяснять не надо.

– Надо. – Верка умудрилась втолкнуть одно слово в речь Олега, и тот даже опешил. Вот уж не ожидал!

– А что? – спросил он.

Олег снял очки и принялся протирать их тонкими слабыми пальцами.

– Где вы работаете?

– Я? Работаю? Скорее всего, я вообще не работаю.

За окном вагона снова начался дождик, струйки потекли по стеклу наискосок. На березах листва уже пожелтела, а другие деревья еще стояли зеленые, но увядшие.

– Хотя, – опомнившись, продолжал Олег Владиславович, – с другой стороны, можно полагать, что я работаю, потому что я занят и почти не остается времени книжку почитать. Я и телевизора с собой не взял, хотя моя стихия – футбол. И знаешь почему? Потому что это одно из самых непредсказуемых зрелищ. Моя беда в том, что я могу в любом детективе на десятой странице угадать убийцу. Понимаешь, мне совсем неинтересно читать детективы.

– А по жизни вы детектив? – спросила Верка.

– Ах, какая пронцательность! – воскликнул Олег и засмеялся. Напялил очки и уперся ей в лицо своими глазищами. – Но ты и близка к истине, и далека от нее. Знаешь почему? Потому что я одновременно детектив, как любой настоящий ученый, отыскивающий истину в лабиринте загадок, и совсем не детектив, так как не имею отношения к юстиции и криминальному миру.

Верка и верила ему, и не очень.

Электричка затормозила у Пташек, они сошли. Верка раскрыла зонтик.

– Ты откуда его взяла? – спросил Олег.

– Мне его соседка дала, из первого дома.

– Просто так дала? Не надо было его принимать.

Он уже распоряжается!

– Я не в подарок, я его верну. Сейчас буду проходить мимо и верну.

– Какая соседка? Опиши ее.

– Ну... молодая, у нее еще ребеночек есть.

Верка была недовольна. Почему она должна отчитываться? Видите ли, зонтик ему не понравился! Зато она не промокла.

– Нет, – повторил Олег Владиславович. – Не следовало тебе его принимать. Вещи, как и лекарства, могут оказывать влияние. И этот зонтик, помимо всего прочего, кажется мне передатчиком. Он кому-то сообщает, где ты, что делаешь, куда направляешься.

– Зонтик как зонтик, – пожала плечами Верка.

Верку не следует учить. Она плохо обучается, если сама не захочет.

Тем временем они подошли к краю платформы. Верка положила сумку на край и прыгнула на рельсы. Вниз прыгать всегда удобнее, чем лезть вверх. Олег Владиславович топтался на краю и не решался прыгнуть. Высота платформы была метра полтора, а он низенький.

– Давайте руку, – сказала Верка.

Но Олег передал ей кочан, а сам лег животом на край, свесил ноги и стал съезжать вниз. Плащ задрался, брюки тоже, носки у него оказались светлые, голубенькие.

Верка не выдержала, обняла его сзади.

Со стороны это, наверное, выглядело глупо. Худая девчонка обнимает толстого мужика, который отбивается и даже отбрыкивается. И все это кончилось совсем нелепо: Верка потеряла равновесие и, чтобы не сесть в грязь, отступила и уронила Олега. А тот встал на все четыре конечности, как бульдог.

Нет, это совсем не смешно.

Потом Олег опомнился, выпрямился, забрал с платформы сумку с картошкой и взял у Верки кочан, но ничего говорить не стал.

Они пошли дальше по тропинке между путей. Как будто немного поссорились. Хотя Верка не понимала, чем он недоволен.

Идти было скользко, дорожка была глинистой, выпуклой, высокая осенняя крапива подступала с обеих сторон.

Впереди виднелся шлагбаум, а потом дорожка под прямым углом сворачивала на Советскую улицу.

Оттого, что тучи ползли очень низко и были очень толстыми, на улицу попадало совсем немного света. Вокруг царили сумерки.

Они дошли до поворота на Школьную.

– Всего хорошего, – сказал Олег Владиславович. – Надеюсь, до скорой встречи.

Уж такой был разговорчивый, а вдруг замолчал на целых десять минут.

– Я в пятом доме живу, – напомнила Верка, надеясь, что он тоже скажет, где живет. Может, он и хотел, но потом передумал.

Олег пошел дальше, а Верка ступила в свой переулок и стала складывать зонтик, чтобы занести его в красный коттедж.

Но она не успела дойти до коттеджа, как сзади послышался короткий крик, будто кто-то подавился и не может откашляться.

Звук был негромкий, но злой – Верка тут же кинулась обратно.

Навстречу ей с Советской на Школьную катилась чья-то голова. Или белый мяч.

Оказалось – кочан капусты. Но это Верка поняла потом.

Она перепрыгнула через кочан и увидела лежащего на асфальте Олега Владиславовича: шляпа в стороне, ножки поджаты к животу, а вокруг, как яблоки в каком-то старом кинофильме, рассыпаны картофелины.

Над Олегом стояла высокая манекенщица, которую Верка видела еще утром.

Блондинка подняла чудесную длинную ногу, обтянутую рваным чулком, и ударила носком туфли Олегу в живот.

- Ты что делаешь? - закричала Верка и кинулась на девушку.

У Верки есть такое свойство характера - сколько раз в жизни ей это мешало: и били ее, и пороли, и ругали, и выгоняли. Но если она видела что-то для себя страшное или гадкое, то словно лишалась рассудка и непременно бросалась вперед. Нельзя бросаться - побьют, обругают, уничтожат! А ей плевать. Уже и ноги, и руки, и зубы - все работает, как у дикой кошки.

Конечно, девушка кошачьей атаки не ожидала.

Она завизжала и замахала руками, отбиваясь, а Верка работала своей сумкой, как дубинкой.

И она не видела, что Олег Владиславович легко извернулся и дернул манекенщицу за ногу.

Раздался треск и вопль...

Олег стоял и смотрел на девицу, распростертую на земле. Валялась она неловко, подвернув ноги, закрыв глаза.

- Спасибо, - сказал Олег Владиславович.

Девушка застонала.

- А я думала, что она убилась, - сказала Верка.

- Будет жить, - ответил Олег, протирая очки, - но это не принципиально. В любом случае она - носитель, только использованный. Эндопаразитизм, тебе знакомо такое явление?

- Ой, а вы ей ничего не сломали?

Олег Владиславович стал оглядываться. Потом кинулся к забору. В траве валялась измятая шляпа. Он поднял шляпу, отряхнул, расправил и проворчал:

– Может, и сломал, но это непринципиально.

Девушка снова застонала.

Ох и грязной же она была! Будто никогда не мылась. Волосы свалялись. Блузка разорвана, а от горла к животу шел разрез, красный и вспухший, кое-как заживший.

– Надо «Скорую» вызвать, – сказала Верка.

– Вызову, не беспокойся. Беги скорее домой и запри дверь.

– А как вы «Скорую» вызовете?

– Ты мне надоела, крошка, – огрызнулся Олег Владиславович. Он стоял скособочившись, держался за бок, плащ мокрый, вокруг рассыпана картошка.

Олег покрутил шляпу в руках и вытащил из кармана мобильник.

Верка пошла прочь. Она была девочкой, а он подлым дядькой, который имел право приказывать.

Ей хотелось обернуться и крикнуть ему: «Я же тебя, может быть, спасла!»

Вдруг она услышала негромкий голос Олега:

– Ты чуть было все не погубила.

«Почему никто еще ни разу не сказал мне спасибо? – подумала Верка. – Все только и знают – подай, принеси, уходи, сматывайся... А добрых слов не выучили».

Верка сделала первые шаги с неохотой. Ее тянуло обернуться, может, даже побежать обратно. Ей было страшно за Олега Владиславовича.

Но с каждым шагом, отделяющим ее от Советской, желание вернуться усыхало. Верке все больше хотелось спрятаться дома, запереться, включить телевизор, в котором осталось всего два цвета – синий и желтый, и ждать утра.

Ворота в дом, где жила женщина с ребеночком, были закрыты. Что же теперь делать с зонтиком?

Верка остановилась в нерешительности. А потом подумала: ведь дождик идет, что ей, снова промокать, что ли?

Навстречу ковылял Папаня в кроличьей шапке, одно ухо вниз, другое вбок. Ему когда-то давно на арктической полярной станции ногу отморозило, с тех пор пьет на всю пенсию. Дети его из Москвы выгнали. Еще один несчастный человек. И что странно – живет в прошлом. Все хорошо помнит, что в Арктике было и в поселке тоже – лет десять назад. А Папаня – это у него прозвище, а не фамилия.

– Привет тебе, Верунь, – сказал он. – Как твоя бабка – злая колючка?

– Я у нее в больнице была. Скажи, Папаня, а давно в этот дом въехали?

– Таинственная история, – сказал Папаня. – Я заинтригован. Владелец – строитель из люберецких – погиб в своем черном «Запорожце». – И Папаня расхохотался. Ему самому стало смешно, что бывают черные «Запорожцы». – А домишко-теремишко остался бесхозным. Может, и купят. А может, несчастливая собственность, медведь ему в душу!

– Эта женщина купила дом?

– Сомневаюсь. Они позавчера въехали, и, скажу тебе, без багажа. На джипе с чемоданами, но без ничего. Даже мебели не видать.

– Там, наверное, своя есть?

– То ли есть, то ли нет, то ли за год пришла в негодность. Как Маринка, пишет?

Верка не ответила. Папаня отлично знал, если не забыл по пьянке, что Веркина мать погибла.

– Бороться и искать, – торжественно сказал Папаня. – Найти и не сдаваться. Это слова, можно сказать, полярного героя капитана Скотта. Он не сдался, но погиб на обратном пути с Южного полюса. Бороться и искать. Ты свою маму хорошо искала?

– Я пошла, Папаня, – сказала Верка.

Нос у Папани красный, а на конце повисла капля – дождевая, наверное.

– Я не шучу, – сказал Папаня. – У меня есть предчувствие, что жива твоя мамаша, душевный человек крайней красоты и обаяния. Ты ее не помнишь?

– Почему не помню? – взъярилась Верка. – Мне семь лет было. Я все помню.

– Тогда – бороться и искать. Искать и искать! Мы в Арктике только так и боролись. Только не всех нашли. Папанина нашли, а Леваневского не отыскали. Тебе понятно? – Он не стал ждать ответа, а добавил: – Пойду, а то ларек закроют, и останусь я на всю ночь без живительной влаги. А если моя любимая явится во сне, а я трезвый?

Тявкнула сирена «Скорой помощи».

Верка обернулась. Белая машина с красной полосой тормозила у входа в переулок. Значит, Олег вызвал все же к бомжихе врачей.

Даже стало легче.

Неожиданно ворота коттеджа приоткрылись, и в щель протиснулся ребеночек.

– Что? – крикнуло дитя. – Что происходит?

Дитя смотрело на Верку настойчиво и пристально, как сова.

- Прости, - сказала Верка. - Я зонтик хотела отдать.

- Оставь себе, - махнул рукой ребенок.

Верка кинула ему зонтик. Вот и хорошо - все сомнения позади.

Она быстро пошла к дому.

- Ты куда побежала? - возмутился ребеночек. Он шустро обогнал Верку и побежал перед ней задом наперед. Это было неприятно, к тому же Верка никак не могла понять, мальчик оно или девочка.

- Ты не спеши, - говорило дитя. - Домой лучше не ходи. Ради твоего же блага предупреждаю. Не ходи, в Москву поезжай. К мамке-папке поезжай. А то некоторые недовольны.

Верка его не испугалась.

- Отстань ты! - сказала она. - Ну отстань! Не до тебя.

Ребеночек повернулся и побежал сбоку.

На нем была красная панамка, промокшая от дождя, на голых ножках, торчащих из коротеньких шортиков, сандалии. А лицо непонятное - то ли мальчик, то ли девочка, то ли вообще лилипут.

Когда Верка дошла до своего дома, она услышала шум машины. Она успела оглянуться - где-то вдали проехала «Скорая».

- Кого там обидели? - спросил ребеночек.

Он произносил слова со взрослыми интонациями, будто взрослый лилипут изображал ребенка.

Верке вдруг захотелось пройти мимо своей калитки, чтобы не показывать ребеночку, где она живет.

Но чепуха это – ребеночек и так все о ней знает. В поселке народу раз-два и обчелся.

– Возьми зонтик, – серьезно сказал ребеночек.

Верка сразу вспомнила о предупреждении Олега.

– Не нужен мне зонтик. У меня дома другой есть.

– А вот врешь! – закричал ребенок. – Нет у тебя другого зонтика. Был один, а ты на него села.

– Уходи! – разозлилась Верка.

Она вошла в калитку и сразу же закрыла ее за собой на засов.

Ребеночек сунул нос между штакетинами и запел что-то неразборчивое.

Навстречу Верке бежал Котяра, животное без уха.

Но он не пошел к дому вместе с Веркой, как всегда, а остановился, выгнув спину и жутко зашипел на ребеночка. А потом даже закричал, как кричат мартовские коты, когда влюбляются в кошек и дерутся за их любовь.

Котяра вопил так, что Верке даже стало неловко – весь поселок услышит.

Верка обернулась.

Никакого ребеночка за калиткой не было.

Словно привиделся.

Коза, конечно же, отвязалась от столбика и паслась на недособранной морковной грядке.

– Катька, – честно предупредила ее Верка, – когда баба Элла домой придет, она тебе покажет.

Коза радостно заблеяла. Она мечтала, чтобы баба возвратилась домой. По своему козьему разумению, молодую хозяйку она за человека не держала. Хорошо еще, доить себя давала, словно знала, что молоко идет для бабы, потому что Верка его привкус не выносила.

Куры из сарайчика не выходили, сидели там на шестке, а некоторые бродили по усыпанному битой соломой полу и о чем-то приглушенно сплетничали.

Перед тем как идти в дом, Верка поискала в сарае и нашла два яйца. Обидно, что два. Если бы три или четыре, она бы себе яичницу сделала. А так баба Элла спросит, где яйца, и никогда не поверит, что ее куры не несутся.

В доме было прохладно. Верка со вчерашнего дня не разжигала плиту, но ничего делать не хотелось. Почему-то Верка смертельно устала. Как будто она – немощная старушенция.

Она легла на диван, накрылась старой бабиной шалью и сразу заснула. Голодная, дома ничего не сделано, уроки не выучены. Сон был какой-то неправильный, словно кто-то стоял в комнате и глядел на нее. Но глаз его не разглядишь, они провалены внутрь головы.

Страшно. И не заснешь толком, и проснуться нет сил.

Но еще хуже стало, когда начала сниться мама.

Мама была неживая. Ее подвесили к потолку, как связку лука. Она могла только шевелить губами. Ей было больно и скучно, потому что она так провисела уже много лет.

Потом раздался удар.

По дому. Снаружи.

Как ботинком по обувной коробке.

Так можно и весь дом смять.

Верка повернулась на стук. И, как ни странно, мама тоже повернулась.

Раздался громкий голос:

- Ты не спишь, девочка?

И сон сразу кончился.

Удар оказался стуком в дверь.

Верка вскочила с дивана и кинулась в сени.

За окнами стояли синие сумерки. На улице уже зажглись редкие фонари.

- Кто там? - спросила Верка.

- Твой сосед, - ответил знакомый голос.

Какое облегчение!

Правда, Верка не успела как следует испугаться. Может, потому, что сон был страшный и она обрадовалась, что он кончился, мама не подвешена. Любая реальность лучше кошмара.

Олег Владиславович стоял под зонтом все в той же шляпе и в плаще.

Нормальный. Даже улыбается.

- Ой, заходите, - пригласила Верка. - Только у меня не убрано.

Одна спица у зонта была сломана, и от этого Олег показался добрее, совсем своим.

Он шмыгнул носом и спросил:

- Чаем в этом доме угощают?

Пока он снимал мокрые ботинки и надевал шлепанцы – не нужно было, но ему так захотелось, – Верка поставила чайник. Только поесть ничего вкусного не нашлось.

Но тут гость положил на стол кекс «Столичный». И в каком только кармане его донес?

Они сидели, пили чай. Было очень уютно. Разбойник Котяра, который раньше прятался неизвестно где, прыгнул Олегу на колени и, когда тот стал чесывать его за ухом, замурлыкал так, словно храпела рота саперов.

- Что с той женщиной? – спросила Верка, раз уж Олег сам не начал этого разговора.

- Ее увезла «Скорая», – ответил сосед. – Нога сломана. И общее состояние...

- Но почему она на вас набросилась?

Олег прямо не ответил. Он сказал:

- Я давно хотел тебя предупредить, чтобы ты была осторожной.

- Кому я нужна? – засмеялась Верка, но у самой вспотела спина – так ей стало страшно.

- Я тоже так думал, – сказал Олег. – А вот, оказывается, интересуются. – Он грустно улыбнулся.

- А вы в милицию позвонили?

- Зачем? Что милиция может сделать?

- Если бомжихи на людей нападают...

- Бомжихи, говоришь? Любопытно...

Олег попросил еще чашечку. Похвалил, как Верка заварила, хотя чай был обыкновенный и заварила она как всегда. Потом сосед вздохнул и спросил, будто давно готовился к такому вопросу:

- Ты здесь одна живешь?

- Вы же знаете, - ответила Верка. - Я в больницу езжу, к бабе Элле.

- То есть ты ведешь хозяйство, пока бабушка лежит в больнице?

- Ну конечно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kir-bulychev/naezdniki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)